УДК 821.161.1

*Н.В. Зиновьева***СПЕЦИФИКА ПОЭЗИИ В ЖУРНАЛЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ЧИСЛА»**

В статье исследуются особенности формы и содержания поэтических произведений в литературно-художественном журнале русского зарубежья «Числа». Цель данной статьи – рассмотрение поэзии журнала «Числа» в единстве идейно-эстетической позиции авторов и их художественной практики. Поэзия авторов «Чисел» тесно связана с творческими и религиозно-философскими исканиями русского зарубежья 1930-х гг. и практически неизвестна в современной России. Через ничего не скрывающее искусство, через творение-исповедь пробиться к трансцендентному, познать самого себя, достигнуть Бога (Творца) – вот высшая задача молодых авторов «Чисел», нашедшая свое прямое выражение в теоретических статьях Б. Поплавского, Л. Кельберина, А. Алферова. Эти же задачи авторы «Чисел» пытаются решить и в своей лирике. Отсюда появляются в стихотворениях молодых мотивы молитвы, разговора с Богом, отсюда берет начало стремление к полной искренности творчества. Положения и выводы, содержащиеся в данной статье, могут представлять интерес не только для студентов и преподавателей, но и для широкого круга лиц, интересующихся литературой и духовной жизнью русского зарубежья.

Ключевые слова: «Числа», литература, журнал, зарубежье, поэзия, философия, религия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-511-519

Журнал (а точнее, «сборник» – именно так он именовался в выходных данных) русской эмиграции «Числа» выходил в Париже с февраля 1930 года по июнь 1934, когда увидел свет последний, десятый номер. Первые четыре номера редактировались совместно известной теософкой И. де Манциарли и Н. Оцупом, остальные – только Н. Оцупом [11. С. 8].

К особенностям сборников можно отнести, во-первых, сам их внешний вид: они имели солидный объем (до 300 страниц), печатались на качественной бумаге, с большим количеством иллюстраций и репродукций, в том числе и цветных. Внимание в «Числах» уделялось прежде всего литературе и искусству, как эмигрантским, так и зарубежным, и советским.

Основными сотрудниками журнала стали «молодые» (то есть начавшие свою литературную деятельность уже в эмиграции, в отличие от писателей «старшего поколения») прозаики и поэты русского зарубежья. В истории литературы «Числа» остались как журнал, вокруг которого в основном сложилась так называемая «парижская нота» – не оформленная организационно поэтическая школа, ориентирующаяся на требования, предъявляемые поэзии Г. Адамовичем.

В качестве основных теоретиков «Чисел», занимавшихся проблемами литературы и искусства в целом, могут быть названы Г. Адамович, З. Гиппиус, Г. Иванов, Н. Оцуп, Г. Федотов, из молодого поколения – прежде всего Б. Поплавский, затем В. Варшавский и Ю. Терапиано. Нужно отметить, что статьи молодых теоретиков печатались на страницах «Чисел» едва ли не чаще, чем представителей старшего литературного поколения. При этом все перечисленные нами авторы в своих статьях уделяли место прежде всего не классическому литературоведению, а, скорее, философии искусства и литературы.

К важнейшим для перечисленных теоретиков «Чисел» вопросам искусства в целом (и литературы в частности) мы относим следующие: стремление к истине в искусстве; роль и значение искусства в современном мире; соотношение искусства и политики; выражение жалости в искусстве; отражение в искусстве темы смерти.

Неудивительно, что «Числа», с их «аполитичностью», их проблемными публикациями, их вниманием к авангарду, к культурной жизни СССР, считающегося тогда в эмигрантской среде «несуществующим государством», с их весьма расплывчато обозначенной литературной позицией привлекали к себе интерес эмигрантского читателя и вызывали много споров.

Художественный мир каждого поэта, публиковавшегося в «Числах», уникален, однако мы можем выделить некоторые общие черты, присущие опубликованным в отделе поэзии «Чисел» стихотворениям.

Для многих стихотворений характерно некое «пренебрежение» формой, связанное, прежде всего, с желанием не скрывать сути жизни, «самого главного» за внешней красотой стиха. Установки на психологическую достоверность, на приоритет содержания над формой, на интимность, простоту стиха обосновывались в теоретических публикациях Г. Адамовича, Г. Иванова, Н. Оцупа, З. Гиппиус, Б. Поплавского.

Мы можем выделить несколько формальных особенностей, присущих поэзии «Чисел» в целом:

1) Преобладание небольших по объему стихотворений без названий.

Из ста девяноста одного стихотворения, опубликованного в «Числах», только семь представляют собой сравнительно объемные поэмы или баллады. Из них озаглавлено только тридцать одно, остальные даны под номерами.

2) Синтаксическая фрагментарность стихотворений, использование неполных предложений. Стихотворения при этом становятся похожими на отрывки из разговоров или дневниковые записи, как бы изначально не предназначенные для прочтения и созданные без ориентации на читателя.

Эти особенности формы видны в стихотворениях Г. Иванова «Все розы, которые в мире цвели...» (№ 1), «Бессонница, которая нас мучит...» (№ 4), «Час от часу. Год от году...» (№ 7–8). Так, в «Бессоннице...» последняя строфа из-за оборванности мысли теряет и строку, и рифму:

*На бледном мареве абракадабры,
В мерцаньи фосфорического дна,
Больные рыбы раздувают жабры... [13. С. 8].*

То же можно увидеть в других опубликованных в «Числах» стихотворениях молодых авторов: «Ничем, ничем, ни призрачной улыбкой...» Н. Белоцветова (№ 7 – 8), «Банальнее – банального...» И. Одоевцевой (№ 2–3), «...И пряча под подушками ключи...» Л. Кельберина (№ 5), «Плотник» А. Холчева (№ 5), «То, что около слез. То, что около слов...» Л. Червинской (№ 9) и др.

Так, все стихотворение Н. Белоцветова представляет собой одно развернутое предложение, точнее, по форме – лишь отрывок предложения, не имеющий даже грамматической основы [4. С. 5]. В связи с такой своеобразной грамматической конструкцией стихотворения оно не кажется ни цельным, ни завершенным. Перед нами, так же, как и в стихотворениях Г. Иванова, своего рода фрагмент «потока сознания».

3) Использование неологизмов.

Для творчества молодых поэтов «Чисел» характерно создание неологизмов, упрощение рифмы и нарушение языковых норм (о чем см. ниже). В данном случае неологизмы служат молодым авторам не для намеренного эпатирования читателя, как в творчестве футуристов, а для максимально точного выражения своей мысли с помощью минимума средств:

*Стихотворительное одержанье,
Язык богов, гармония комет! [9. С. 16].
...тот гулкий, вдохновенный, страшный час
Непоправимого жизнекрушенья [17. С. 21].
А телу жуткая миражится печаль... [24. С. 22].*

4) Особенности рифмы.

Упрощение рифмы в творчестве молодых поэтов связано с развитием ими идеи простоты стихотворной формы. Если в стихотворениях З. Гиппиус, Г. Адамовича, Г. Иванова, Н. Оцупа, опубликованных в «Числах», рифма не имеет четко выраженных особенностей, то в творчестве молодых мы часто встречаем такую ее упрощенную модификацию, как тавтологическая рифма (иногда глагольная):

*Солдат не плачет,
Лежит, не плачет,
А конь ускачет –
В ковыль ускачет [12. С. 25].
Вознесись к отцу молитва, мой конь,
Подстрекаемый пятками моей любви,
Низойди на меня, отчий огонь,
Сильный поток любви [8. С. 7].*

Иногда в творчестве молодых упрощение рифмы приводит к ее исчезновению. Так, в стихотворении В. Мамченко «Затворятся упорно глаза...» (№ 5) рифма заменяется созвучием:

*К небу, опять, побредут
Без дороги – навзничь – на горы,
Впереди человек на кресте и в бреду
Загорится [23. С. 21].*

Стихотворения, полностью написанные белым стихом, характерны также для творчества Д. Кнута и М. Горлина.

5) Нарушение языковых норм.

Нарушение лексической или грамматической сочетаемости в стихотворении также характерно для творчества молодых поэтов «Чисел». При этом иногда трудно определить, где автор применил этот прием сознательно, а где могла сказаться его литературная неопытность.

Так, Б. Божнев в стихотворении «Еще летит, еще летит пешком...» (№ 2–3) использует нарушение лексической сочетаемости (в том числе и оксюморон) для изображения абсурдного, хаотичного мира:

*Еще летит, еще летит пешком
Любовь на ложе под Столы блаженства,
С которых крошки падают мешком
Наполненным Пирами совершенства...* [6. С. 15].

В стихотворении А. Гингера «Мания преследования» (№ 2–3) нарушается грамматический строй предложения:

*И мелкий шар как сердце тонет в лузу,
Подстреленное властью кия.* [9. С. 16].

Итак, для поэзии «Чисел» характерна формальная «простота», доходящая до нарочитого пренебрежения формой. Стихотворения при этом становятся похожими на отрывки из разговоров или дневниковые записи, как бы изначально не предназначенные для прочтения и созданные без ориентации на читателя. О желании (и, порой, невозможности) найти «простые слова» говорят сами молодые поэты в своих стихотворениях.

Если характеризовать содержательную сторону творчества, то лирический герой в «числовой» поэзии максимально приближен к автору текстов. Этого требует установка на психологическую достоверность, исповедальность стихотворений, провозглашенная в журнале Г. Адамовичем, Г. Ивановым, Н. Оцупом, Б. Поплавским. Необходимо отметить, что эти установки сегодня считаются общими признаками поэзии так называемой «парижской ноты» [См. об этом: 18. С. 13; 22. С. 30].

Для поэтов «Чисел», в соответствии с их теоретическими установками, характерно почти полное отсутствие гражданских мотивов, и, в свою очередь, преобладание интимной лирики. Авторы обращаются, прежде всего, к своему внутреннему миру.

При этом поэзия «Чисел» выражает исключительно трагическое мироощущение. Ей присущи мотивы лжи, предательства, измены, страха, отчаяния, одиночества, пустоты, холода, безмолвия, тьмы, безумия. Лирический герой осознает конечность и, часто, ненужность своей жизни, бессмысленность искусства. В качестве примера можно привести строфы из стихотворений, передающие трагическое мироощущение лирических героев:

*Все длилось промедленье
И, все слабей дыша,
От одиночества и от недоуменья
Здесь умерла душа* [2. С. 12].

*От всего отрекаюсь. Ни звука
О другом не скажу я вовек.
Все постыло. Все мерзость и скука.
Нищ и темен душой человек* [1. С. 13].

*Банальнее банального
«Прости» свистка вокзального,
Печальнее – печального,
В купе вагона спального,
В ночи, с огнями встречными,
С цветами подвенчными,
Бряцание, качание –
А там совсем отчаяние...* [25. С. 11]

Особенно часто в стихотворениях поэтов «Чисел» варьируется тема смерти. Практически в любом из ста девяти одного стихотворения, опубликованного в журнале, так или иначе затрагивается эта тема.

Так, только в первом номере журнала в двадцати девяти опубликованных стихотворениях шести авторов слова «смерть», «гибель», «умирание» упоминаются более тридцати раз.

При этом поэтам «Чисел» присущи различные взгляды на смерть. В трактовке представителей среднего поколения, Г. Адамовича, Г. Иванова, Н. Оцупа, и более молодого М. Горлина смерть предстает как «последний финал» в экзистенциалистском понимании. Лирический герой обретает смысл бытия, находясь в «пограничной ситуации», перед лицом смерти.

Так, Н. Оцуп в стихотворениях «Не только в наш последний час...» (№ 1), «Въезжают полозья обоза...» (№ 1), «Почти упав, почти касаясь льда...» (№ 1), «Снег передвинулся и вниз...» (№ 4) развивает высказанные в своих теоретических работах положения о необходимости смерти, боли, трагедии, так как эти явления делают жизнь человека насыщеннее, ярче. Без них, по мнению Н. Оцупа, невозможно само понимание того, что есть жизнь, радость, счастье. [См. об этом 29-31].

Уже в первом номере «Чисел» помещено небольшое стихотворение Н. Оцупа «Не только в наш последний час...» [28. С. 23]. В нем смерть рассматривается как неотъемлемая часть жизни, избежать ее, по мнению лирического героя, невозможно. В бессмертие души он не верит, умереть для героя значит исчезнуть, «стать ничем». Но, вместе с тем, по его мнению, без присутствия смерти жизнь потеряла бы все свое очарование, ведь только «на краю гибели» бытие приобретает ценность.

Тезис о необходимости смерти обосновывается и в другом стихотворении Н. Оцупа – «Въезжают полозья обоза...». Вся красота жизни обретает для лирического героя особую прелесть, когда он вспоминает о постоянном присутствии смерти в мире:

*И по льду скользят сани,
И голос подруги твоей, –
Тем сердцу дорожке – в сияньи
Над гробом зажженных свечей* [27. С. 24].

Экзистенциальные мотивы представлены и в творчестве Г. Адамовича. Так, в стихотворении «Пора печали – юность – вечный бред!...» (№ 4) человек постигает, что жизнь прекрасна, только оказавшись между жизнью и смертью, когда, казалось бы, потеряна и материальная («без денег») и духовная («без любви») основа его жизни [3. С. 6].

Нужно отметить, что в стихотворении своеобразно решен вопрос отношения героя с самой жизнью, представляющей собой некую высшую силу. Если раньше он роптал, то теперь, после перенесенных тягот, «за каждый час ее благодарит». Здесь нельзя не увидеть сходства с библейским Иовом, «праведником на гноище», ропот которого сменился в итоге непоколебимой верой в конечную благодать Господней воли (об образе Иова в «Числах» впервые заговорила Н. Летаева, исследующая трансформацию этого образа в прозе «Чисел») [см. 21. С. 98–102].

Единственным из представителей молодого поколения поэтов, развивающим экзистенциальные мотивы в поэзии в том же ключе, что и Н. Оцуп, и Г. Адамович, становится М. Горлин.

В его стихотворении «Когда с рельсов сойдя, с легким сладостным свистом...» (№ 7–8) также говорится о возможном приближении к чему-то высшему (возможно, к Богу) в тот момент, когда человек находится на грани жизни и смерти:

*Когда испуганного убийцы синеватый нож
Безвольно вонзается в покорную плоть,
Когда вдруг в ночи падают бомбы
На влажный от сна и тумана город,
Тогда странно как-то яснее в душе,
И – благовение и трепет! – видна над миром
В небе гладком и плоском, как потолок,
Громадная тень недвижной руки* [10. С. 6].

В творчестве молодых поэтов – А. Берлина, Л. Ганского, А. Гингера, Л. Кельберина, И. Чиннова, А. Штейгера – смерть представлена как желанное избавление от земных страданий, отсюда часто возникает мотив самоубийства. Такая трактовка темы смерти характерна также для молодых теоретиков «Чисел», прежде всего для Б. Поплавского и Л. Кельберина. Отсюда берет свое начало изображение притягательности смерти, за которое авторов «Чисел» неоднократно обвиняли в «декадентских настроениях» [5. С. 72–74; 34. С. 150].

Мотив самоубийства виден в таких стихотворениях, как «...И пряча под подушками ключи...» Л. Кельберина (№ 5), «Веревка, стул и крепкий крюк...» Л. Ганского (№ 10), «Я молюсь перед Богом

моим» А. Гингера (№ 10), «Рукой протянутой почти касаясь двери...» А. Холчева (№ 10), «Нарциссы, и голубоватый день, и труп...» И. Чиннова (№ 10), «Баллада о гимназисте» А. Штейгера (№ 10).

Причины, приведшие героев данных стихотворений к самоубийству или мыслям о нем, как правило, сходны. Герой стихотворения Л. Ганского «*Веревка, стул и крепкий крюк...*» (№ 10) – «отважный неудачник» – ищет в смерти избавления от мук, от своего духовного одиночества, приближения к Богу:

*Веревка, стул и крепкий крюк,
Друзьям последняя записка.
Скажи, не будет больше мук?
Скажи, ведь Ты теперь так близко... [7. С. 6].*

Того же жаждет и семнадцатилетний гимназист из «Баллады о гимназисте» А. Штейгера:

*Он писал в дневнике:
«Чуда нет. Я умру.
Не в Твоей ли руке
Кончу эту игру?»
«Если можешь – подай.
Если нет – откажи.
Лучше ад, лучше рай
Ожиданья и лжи» [37. С. 24].*

Важная тема стихотворного отдела – *поиск смысла жизни*; тема социально актуальная, выходящая к философско-религиозным исканиям в эмигрантской среде. Здесь можно вспомнить слова из редакционной статьи, открывающей первый номер «Чисел»:

«Мировоззрения, верования – все, что между человеком и звездным небом составляло какой-то успокаивающий и спасительный потолок, – сметены или расшатаны.

“И бездна нам обнажена”» [32. С. 6].

Революция, гражданская война, эмиграция, новые, порой невыносимые условия существования русских людей требовали пересмотра ими своего миропонимания. Отсюда в начальный период эмиграции большое количество различных направлений в политической и культурной жизни русского общества за рубежом, обилие споров «как нам обустроить Зарубежную Россию». При этом к 1930-м годам все большую роль в жизни эмигрантов начинало играть молодое поколение, также ищущее в жизни свои пути. Именно «цель жизни, смысл смерти» [32. С. 6] должны были стать основными предметами для разговора в новом журнале «Числа», по замыслу его создателей, но именно в разделе поэзии эта тема становится одной из основных.

При этом трактовка данной темы поэтами «Чисел», как правило, пессимистическая – этот поиск оказывается напрасным. Выше уже было сказано о том, что лирический герой поэзии «Чисел» часто максимально приближен к автору. В связи с этим характерное для нее трагическое мироощущение может в какой-то степени объясняться условиями, в которых оказались сами эмигрантские поэты.

Одиночество, бессилие изменить что-либо, предощущение конца эмигрантской культуры – все это легло в основание картины мира, созданной поэтами «Чисел». Лирический герой Г. Адамовича, Г. Иванова, Н. Оцуа, Л. Кельберина, Д. Кнута, А. Ладинского, Г. Раевского, Ю. Софиева, В. Смоленского, А. Холчева, Л. Червинской тяжело переживает свою отчужденность от мира [1. С. 13; 14. С. 17; 16. С. 9; 19. С. 19; 20. С. 13; 36. С. 25].

Из представителей среднего поколения наиболее трагически видит мир Г. Иванов. Характерным в этом отношении является стихотворение «Хорошо, что нет царя...» (№ 1). В нем глубина трагедии русских эмигрантов передана с помощью парадоксальных утверждений, начинающихся со слова «хорошо». Хорошо – потому что хуже быть уже не может, что падать дальше уже некуда:

*Хорошо, что – ничего,
Хорошо, что – никого,
Так черно и так мертво –
Что мертвее быть не может
И чернее не бывает,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать [15. С. 16].*

При этом смысл жизни для многих авторов «Чисел» неразрывно связан со смыслом смерти, с решением вопроса о возможности посмертного существования, – и, соответственно, тема поиска смысла жизни оказывается тесно связана с темой смерти.

Постоянно обращался к теме поиска смысла жизни Н. Оцуп – в таких стихотворениях, как «В жизни, которая только томит...» (№ 1), «Идти, идти, быть может, и вперед...» (№ 1), «Все будет уничтожено, пока же...» (№ 4), «Возвращается ветер на круги своя...» (№ 6), «Красавица (отрывок из поэмы)» (№ 10).

Для лирического героя стихотворений Н. Оцупа жизнь бессмысленна потому, что он не знает, бессмертна душа или нет, что ждет человека за гранью смерти. Такой взгляд можно назвать агностико-экзистенциальным. Если никакого посмертия не существует, значит, жизнь оказывается лишенной смысла. Тогда с гибелью человека исчезает весь его внутренний мир, все его устремления, надежды и мечты.

Но абсолютного знания об этой тайне бытия не существует и не может существовать. Помочь здесь способно не знание, но вера, которую лирический герой утратил. Поэтому он предстает перед нами человеком растерянным, не имеющим твердых духовных убеждений, лишенным какой бы то ни было опоры. Он способен лишь страшиться грядущей смерти. В качестве примера можно привести строки из стихотворения Н. Оцупа «Все будет уничтожено, пока же...»:

*Там долго мы искали, как умели,
Для мира объяснения и цели,
И научились только день за днем
(Не разрубив узла одним ударом)
Довольствоваться тем, что вот – живем,
Хотя и без уверенности в том,
Что надо жить, что все это не даром [26. С. 10].*

Тема поиска смысла жизни оказывается связанной с темой смерти также в стихотворениях молодого литературного поколения: Л. Кельберина, Г. Раевского, В. Смоленского, Ю. Софиева, А. Холчева, Л. Червинской и многих других. Но если лирический герой Н. Оцупа не способен ответить на вопрос о возможности посмертного существования, то герои названных стихотворений окончательно разуверились в нем. Человеческое существование для них не имеет смысла, посмертия не существует. Поскольку память о человеке не способна сохраниться долго, то любая жизнь, по их мнению, окончится смертью и забвением. Любое начатое им дело в такой ситуации оказывается бессмысленным, поскольку человек не может знать, доведет ли его до конца или его прервет смерть.

Героями стихотворений молодых поэтов часто выступают люди труда, ремесленники – плотник из одноименной поэмы А. Холчева, сапожник из стихотворения Ю. Софиева, – чей бессмысленный труд оканчивается смертью. При этом А. Холчев в своей поэме символически подчеркивает эту мысль тем, что любовно вытесанный плотником гроб приговаривается в конечном итоге для его же собственных похорон.

Закольцованность жизненного процесса подчеркивает кольцевая композиция поэмы – сцена выстругивания гроба начинается и заканчивает стихотворение. Память о погибшем плотнике постепенно исчезает, а ему на смену приходит новый мастеровой, начинающий стругать новый гроб – возможно, для самого себя [35. С. 24].

В стихотворении В. Смоленского «Какое дело мне, что ты живешь...» (№ 2–3) объясняется причина всеобщего забвения – это одиночество человека в исполненном трагизма мире. Лирический герой восклицает, обращаясь к современнику:

*И как тебя зовут, и как ты жил
Не знал я никогда или забыл,
И если мимо пронесут твой гроб
Моя рука не перекрестит лоб...
Но страшно мне подумать – что и я
Вот также безразличен для тебя
Что жизнь моя, и смерть моя, и сны
Тебе совсем не нужны и скучны,
Что я везде – о, это видит Бог! –
Так навсегда, так страшно одинок [33. С. 20].*

О том же духовном одиночестве, с которым тесно связана бессмысленность жизни, пишет и Д. Кнут в своем стихотворении «Бутылка в океане» (№ 2–3). Картина ночного Парижа, нарисованная им, похожа на некий сюрреалистический ад, в котором мучаются души эмигрантов, а слова о «людях-братьях» в данном контексте оказываются злой насмешкой над возвышенными идеалами. Наблюдая из окна за жизнью жителей большого города лирический герой все яснее осознает весь скрытый трагизм этого мира:

*...А мне сейчас неоправимо-ясно,
Что наша жизнь – бессмысленность и ложь.
Я эти торопливые слова
Бросаю в мир – бутылкою – в стихи
Бездонного людского равнодушья... [17. С. 22].*

Мы видим, что тема смысла жизни непосредственно связана с философско-религиозными исканиями авторов «Чисел» и реальными жизненными перипетиями эмигрантов. За эмигрантской трагедией «числовцам» видится трагедия утраты идеалов и верований, когда человек остается один на один с «обнаженной бездной».

Через ничего не скрывающее искусство, через творение-исповедь пробиться к трансцендентному, познать самого себя, достигнуть Бога (Творца) – вот высшая задача молодых авторов «Чисел», нашедшая свое прямое выражение в теоретических статьях Б. Поплавского, Л. Кельберина, А. Алфёрова. Эту задачу, как мы видим, авторы «Чисел» пытаются решить и в своей лирике. Отсюда появляются в стихотворениях молодых мотивы молитвы, разговора с Богом, отсюда берет начало стремление к полной искренности, даже дневниковости творчества.

От неудовлетворенности жизнью, от ощущения какой-то непреодолимой преграды между истиной, реальностью и самим собой, от этих мучительных поисков смысла существования, от разочарованности в политических и религиозных идеалах, свойственной во многом всему молодому эмигрантскому поколению, берет начало и постоянное обращение к теме смерти, за которое так часто критиковали и критикуют авторов «Чисел».

В творчестве поэтов «Чисел» нашло свое отражение и то явление, которое принято называть экзистенциальными мотивами. Действительно, нельзя не заметить, что философия экзистенциализма оказала, хотя, возможно, и косвенное, но несомненное влияние на идеи и творчество поэтов «Чисел». Литературный персонализм Н. Оцуца во многом противостоял экзистенциализму, но и в его поэзии мы обнаруживаем те же мотивы. В своих попытках преодолеть грань между миром и собой авторы «Чисел» часто описывали состояние и переживание человека «на грани» – между жизнью и смертью, между Россией и эмиграцией, и так далее. Мучительная раздвоенность между «Я» и «Не-Я», между бытием и «Ничто», стремление ее преодолеть и вернуться к гармонии существования, постоянно встречающиеся у авторов «Чисел», во многом, как мы видим, близки идеям экзистенциалистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович Г. «Если дни мои, милостью Бога...» // Числа. 1930. № 1. С. 13.
2. Адамович Г. «О, если где-нибудь, в струящемся эфире...» // Числа. 1930. № 1. С. 12.
3. Адамович Г. «Пора печали – юность – вечный бред!..» // Числа. 1930. № 4. С. 6.
4. Белоцветов Н. «Ничем, ничем, ни призрачной улыбкой...» // Числа. 1933. № 7–8. С. 5.
5. Бем А. Л. Числа // Письма о литературе. Прага : Slovanski ustay Euroslavica, 1996. 366 с.
6. Божнев Б. «Еще летит, еще летит пешком...» // Числа. 1930. № 2–3. С. 15.
7. Ганский Л. «Веревка, стул и крепкий крюк...» // Числа. 1934. № 10. С. 6.
8. Гингер А. «Я молось перед Богом моим...» // Числа. 1934. № 10. С. 7.
9. Гингер А. Мания преследования // Числа. 1930. № 2–3. С. 16.
10. Горлин М. «Когда с рельсов сойдя, с легким сладостным свистом...» // Числа. 1933. № 7–8. С. 6.
11. Еремина Л. Рыцарь культуры // Литературное обозрение. 1996. № 2. С. 8–11.
12. Закович Б. «В туманный вечер...» // Числа. 1930. № 4. С. 25.
13. Иванов Г. «Бессонница, которая нас мучит...» // Числа. 1930. № 4. С. 8.
14. Иванов Г. «От синих звезд, которым дела нет...» // Числа. 1930. № 1. С. 17.
15. Иванов Г. «Хорошо, что нет Царя...» // Числа. 1930. № 1. С. 16.
16. Кнут Д. «Пыльный запах листвы, черный ствол над скамейкой зеленой...» // Числа. 1934. № 10. С. 9.
17. Кнут Д. Бутылка в океане // Числа. 1930. № 2–3. С. 21–22.
18. Коростелев О. Пафос свободы. Литературная критика русской эмиграции за полвека (1920-1970) // Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 1. М.: Олимп, АСТ, 2002. С. 3–35.
19. Ладинский А. Каирский сапожник // Числа. 1930. № 1. С. 19.

20. Ладинский А. У статуи // Числа. 1932. № 6. С. 13.
21. Летаева Н.В. Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала «Числа»: дисс... канд. филол. наук. М., 2003. 180 с.
22. Литература русского зарубежья (1920-1990): учебное пособие / под ред. А. И. Смирновой. М. : Флинта, Наука, 2006. 638 с.
23. Мамченко В. «Затворятся упорно глаза...» // Числа. 1931. № 5. С. 21.
24. Мамченко В. «И будет день тяжелый и святой...» // Числа. 1930. № 2–3. С. 22.
25. Одоевцева И. «Банальнее банального...» // Числа. 1930. № 2–3. С. 11.
26. Оцуп Н. «Все будет уничтожено, пока же...» // Числа. 1930. № 4. С. 10.
27. Оцуп Н. «Въезжают полозья обоза...» // Числа. 1930. № 1. С. 24.
28. Оцуп Н. «Не только в наш последний час...» // Числа. 1930. № 1. С. 23.
29. Оцуп Н. Вместо ответа // Числа. 1930. № 4. С. 158–160.
30. Оцуп Н. Об Андрее Белом. К 50-летию со дня рождения // Числа. 1930. № 4. С. 212–214.
31. Оцуп Н. Ф. И. Тютчев. // Числа. 1930. № 1. С. 150–160.
32. «Случается в истории литературы...» (редакционная статья) // Числа. 1930. № 1. С. 5–6.
33. Смоленский В. «Какое дело мне, что ты живешь...» // Числа. 1930. № 2–3. С. 20.
34. Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. 448 с.
35. Холчев А. Плотник (баллада) // Числа. 1932. № 6. С. 24.
36. Червинская Л. «То, что около слез. То, что около слов...» // Числа. 1933. № 9. С. 25.
37. Штейгер А. Баллада о гимназисте // Числа. 1934. № 10. С. 24.

Поступила в редакцию 28.04.2020

Зиновьева Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
 ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет»
 693006, Россия, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический Проспект, 33
 E-mail: trissn@mail.ru

N.V. Zinoveva

SPECIFICITY OF POETRY IN THE MAGAZINE OF THE RUSSIAN EMIGRATION “CHISLA” (“NUMBERS”)

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-511-519

In this article the author examines the features of the form and content of poetic works in the literary and artistic magazine of the Russian emigration “Chisla” (“Numbers”). The purpose of this article is to examine the poetry of the magazine “Chisla” in the unity of the ideological and aesthetic position of the authors and their artistic practice. This poetry is closely connected with the creative, religious and philosophical searches of the Russian abroad of the 1930s and almost unknown in modern Russia. Through art that hides nothing, through creation-confession, to break through to the transcendent, to know oneself, to reach God (the Creator) – that is the highest task of the young authors of “Numbers”, which found its direct expression in theoretical articles by B. Poplavsky, L. Kelberin, A. Alferov. The authors of “Chisla” try to solve the same problems in their lyrics. From here, motifs of prayer and conversation with God and the striving for full sincerity of creativity appear in the poems of young emigrants. The statements and conclusions contained in this article may be useful not only for students and teachers, but also for people interested in the literature and spiritual life of the Russian abroad.

Keywords: “Chisla”, literature, magazine, abroad, poetry, philosophy, religion.

REFERENCES

1. Adamovich G. “Yesli dni moi, milost’yu Boga...” [“If by the grace of God my days...”]. Chisla [Numbers], 1930, no. 1, p. 13. (In Russian).
2. Adamovich G. “O, yesli gde-nibud’, v struyashchemsya efir’e...” [“Oh, if somewhere in the flowing ether...”]. Chisla [Numbers], 1930, no. 1, p. 12. (In Russian).
3. Adamovich G. “Pora pechali – yunost’ – vechnyj bred!...” [“It’s time of sorrow – the youth – the eternal ravings...!”]. Chisla [Numbers], 1930, no. 4, p. 6. (In Russian).
4. Belotsvetov N. “Nichem, nichem, ni prizrachnoj ulybkoy...” [“With nothing, with nothing, even ghostly smile...”]. Chisla [Numbers], 1933, no. 7–8, p. 5. (In Russian).
5. Bem A. Pis’ma o literature [Letters about literature]. Praha, Slovanski ustay Euroslavica, 1996, 366 p. (In Russian).
6. Bozhnev B. “Eshchyо letit, eshchyо letit peshkom...” [“Still flies, still flies on foot...”]. Chisla [Numbers], 1930, no. 2–3, p. 15. (In Russian).

7. Ganskij L. "Veryovka, stul i krepkij kryuk..." ["A rope, a chair and a strong hook..."]. Chisla [Numbers], 1934, no. 10, p. 6. (In Russian).
8. Ginger A. "Ya molyus' pered Bogom moim..." ["I pray before my God..."]. Chisla [Numbers], 1934, no. 10, p. 7. (In Russian).
9. Ginger A. Maniya presledovaniya [Persecution mania]. Chisla [Numbers], 1930, no. 2–3, p. 16. (In Russian).
10. Gorlin M. "Kogda s rel'sov sojdya, s legkim sladostnym svistom..." ["When getting off the rails with a slight sweet whistle..."]. Chisla [Numbers], 1933, no. 7–8, p. 6. (In Russian).
11. Eryomina L. Rytsar' kul'tury [Knight of the culture]. Literaturnoe obozreniye [Literary Review], 1996, no. 2, pp. 8–11. (In Russian).
12. Zakovich B. "V tumannyj vecher..." ["On a foggy evening..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 4, p. 25. (In Russian).
13. Ivanov G. "Bessonnitsa, kotoraya nas muchit..." ["Insomnia, which torments us..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 4, p. 8. (In Russian).
14. Ivanov G. "Ot sinih zvyozd, kotorym dela net..." ["From the blue stars which don't care..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 1, p. 17. (In Russian).
15. Ivanov G. "Horosho, chto net Tsarya..." ["It's good that there is no Tsar..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 1, p. 16. (In Russian).
16. Knut D. "Pyl'nyj zapakh listvy, chernyj stvol nad skamejkoj zelenoj..." ["Dusty smell of foliage, black trunk above the green bench..."]. Chisla [Numbers], 1934, no. 10, p. 9. (In Russian).
17. Knut D. Butylka v okeane [Bottle in the ocean]. Chisla [Numbers], 1930, no. 2–3, pp. 21–22. (In Russian).
18. Korostelyov O. Pafos svobody. Literaturnaya kritika russkoj eh migratsii za polveka (1920-1970) [Paphos of freedom. Literary criticism of the Russian emigration for half a century (1920-1970)]. Kritika russkogo zarubezh'ya [Criticism of Russian abroad] Moscow, Olimp, AST, 2002, pp. 3–35. (In Russian).
19. Ladinskij A. Kairskii sapozhnik [Shoemaker from Cairo]. Chisla [Numbers], 1930, no. 1, p. 19. (In Russian).
20. Ladinskij A. U statui [At the statue]. Chisla [Numbers], 1932, no. 6, p. 13. (In Russian).
21. Letajeva N. Molodaya eh migrantskaya literatura 1930 godov: proza na strantsakh zhurnala "Chisla" [Young emigre literature of the 1930s: prose on the pages of the "Numbers" magazine]. Moscow, 2003, 180 p. (In Russian).
22. Smirnova A. Literatura russkogo zarubezh'ya (1920-1990) [Literature of the Russian abroad]. Moscow, Flinta, Nauka, 2006, 638 p. (In Russian).
23. Mamchenko V. "Zatvoryatsya uporno glaza..." [Eyes will stoutly light up...]. Chisla [Numbers], 1931, no. 5, p. 21. (In Russian).
24. Mamchenko V. "I budet den' tyazhelyj i svyatoj..." ["And there will be hard and holy day..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 2–3, p. 22. (In Russian).
25. Odoevtseva I. "Banal'nee banal'nogo..." ["Banal than the banal..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 2–3, p. 11. (In Russian).
26. Otsup N. "Vse budet unichtozheno, poka zhe..." ["Everything will be destroyed, but in the meantime..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 4, p. 10. (In Russian).
27. Otsup N. "V'ezzhayut poloz'ya oboza..." ["Sledge runners enter..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 1, p. 24. (In Russian).
28. Otsup N. "Ne tol'ko v nash poslednij chas..." ["Not only in our last hour..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 1, p. 23. (In Russian).
29. Otsup N. Vmesto otveta [Instead of answer]. Chisla [Numbers], 1930, no. 4, pp. 158-160. (In Russian).
30. Otsup N. Ob Andreje Belom. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya [About Andrej Belyj. To the 50th anniversary of the birth]. Chisla [Numbers], 1930, no. 4, pp. 212–214. (In Russian).
31. Otsup N. F.I. Tyutchev. [F.I. Tyutchev]. Chisla [Numbers], 1930, no. 1, pp. 150-160. (In Russian).
32. "Sluchayetsya v istorii literatury..." : redaktsionnaya stat'ya. ["That happens in the history of literature...": editorial]. Chisla [Numbers], 1930, no. 1, pp. 5–6. (In Russian).
33. Smolenskij V. "Kakoye delo mne, chto ty zhivyosh..." ["What a matter to me that you live..."]. Chisla [Numbers], 1930, no. 2–3, p. 20. (In Russian).
34. Struve G. Russkaya literatura v izgnanii: Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoj literatury [Russian literature in exile: The experience of the historical review of foreign literature]. New-York : Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1956, 448 p. (In Russian).
35. Kholchev A. Plotnik (ballada) [The carpenter (the ballad)]. Chisla [Numbers], 1932, no. 6, p. 24. (In Russian).
36. Chervinskaya L. "To, chto okolo slyoz. To, chto okolo slov..." ["The kind of thing that next to tears. The kind of thing that next to words..."]. Chisla [Numbers], 1933, no. 9, p. 25. (In Russian).
37. Shtejger A. Ballada o gimnaziste [The ballad about gymnasium pupil]. Chisla [Numbers], 1934, no. 10, p. 24. (In Russian).

Received 28.04.2020

Zinov'eva N.V., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Russian Language and Literature Sakhalin State University
 Kommunisticheskij Prospekt, 33, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, 693006
 E-mail: trissn@mail.ru